

Александр Громов

Змееныш

Часть сборника
Вычислитель (сборник)

Александр Николаевич Громов

Змееныш

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=154390

Вычислитель: фантастические повести: Эксмо; М.; 2009

ISBN 978-5-699-38133-3

Аннотация

Далекое будущее. Люди находят братьев по разуму. Но, к сожалению, все цивилизации ушли далеко вперед в своем развитии и относятся к Земле с пренебрежением. Нас не пускают дальше Солнечной системы. Но однажды космическое грузовое судно землян подбирает недалеко от орбиты Меркурия инопланетное существо...

Александр Громов

Змееныш

1

Первыми были ауригийцы.

Сначала в экстренных выпусках общемировых теленовостей, а затем и в наскоро сляпанных научно-популярных программах косноязычные от волнения дикторы специально подчеркивали разницу между ауригийцами и ауригидами. Разница эта заключалась в том, что последние являлись всего-навсего метеорным потоком с радиантом в созвездии Возничего, а первых следовало считать не более и не менее как представителями высокоразвитой цивилизации, обжившими область галактического пространства, предположительно находящуюся в направлении того же созвездия.

Сказать точнее было трудно. Однако межзвездный зонд «Пелопс», в свое время посланный в направлении созвездия Возничего и уже преодолевший почти два парсека, внезапно и необъяснимо оказался вновь в Солнечной системе, где немедленно разразился паническими радиовоплями во всех доступных ему диапазонах частот. Из хаоса сигналов удалось понять немного: искусственный интеллект зонда натуральным образом свихнулся, встретившись с тем, чему не

находил объяснения.

Потрошение зонда принесло очень немного информации. Несомненно, зонд принял обрывок какого-то сигнала и, заподозрив его в искусственности, попытался дешифровать. Затем было зафиксировано появление перед зондом некоторого количества неизвестных космических тел – зафиксировано по их собственному тепловому излучению, ибо радиолокация не дала ровным счетом ничего. Да и что она могла дать, если отраженный от объектов сигнал попросту не успел достичь приемных антенн зонда? В одно мгновение «Пелопс» был отброшен туда, откуда много лет назад начал свое дальнейшее странствие.

Каким образом был преодолен световой барьер – это еще предстояло осмыслить лучшим умам планеты. Важнее было другое: самые ближние, по галактическим меркам, окрестности Солнечной системы оказались заняты иной, чуждой человечеству цивилизацией, не пустившей землян в свои пределы. Более того – отфутболившей космический аппарат с такой же легкостью, с какой дачник сшибает щелчком бестолкового муравья, заползшего на обеденный стол. И с таким же пренебрежением.

Голова шла кругом. Правда, не у всех. Как ни удивительно, политики оказались на высоте. Уния Наций потребовала и получила средства на создание мощных военно-космических сил, подчиненных исключительно Штабу Оборона при Правительстве Объединенного Человечества.

Нашлись скептики, утверждавшие: к чему? Стоит ли тревожиться, если противник заведомо сильнее? В течение почти целого столетия человечество по присущей ему глупости демаскировало себя, выбрасывая в космос гигаватты энергии в диапазонах телевидения. Если наши соседи не полные идиоты, они, несомненно, не только обратили внимание на повышенный радиодфон от заурядной желтой звезды, но и сполна насладились программами земных новостей, мыльными операми, телешоу и рекламой. Хуже того, самонадеянные ученые глупцы, превратно понимающие идеи гуманизма, не раз отправляли послания братьям по разуму, пользуясь деньгами налогоплательщиков и не неся ответственности ни перед кем. Ну и что же вы теперь хотите? Налечь всем миром и разом исправить ситуацию? Не выйдет. Разом такие дела не делаются. Да вы и не сможете отказаться от своего привычного образа жизни ради противодействия какой-то дальней, пока еще гипотетической угрозе. Сможете? Вы уверены? Ха-ха. Да вы на себя-то посмотрите как следует. В зеркало. Наедине. Попытайтесь быть честными хотя бы сами с собою. И если вы скажете, что видите перед собою не легкомысленного эгоиста, то вы еще и лжец к тому же.

Скептиков били, заставляя прикусить злые языки. Щупая пластыри и шипя, побитые кулачно завидовали побитым словесно. На митингах в разных точках Земли возмущенные толпы затоптали насмерть нескольких ораторов. Эти уже никому не могли позавидовать.

Вторыми были сагиттяне. Они действовали иначе. Пилотируемый корабль «Эратосфен», добравшийся едва ли не до внешней границы облака Оорта, был встречен чужими кораблями и получил внятное приказание убираться восвояси. Для большей убедительности чужаками был мгновенно аннигилирован ледяной астероид, лишившийся таким образом шанса когда-нибудь стать ядром кометы. Вспышку в созвездии Стрелы зафиксировали и земные астрономы.

«Эратосфен», разумеется, убрался прочь. О том, как экипаж вел к Земле корабль с ослепшими приборами, можно было бы написать героическую сагу, но дело не в этом. Отдельные трудности отдельных людей меркли перед главным событием: обнаружены еще одни чужаки!

Позднее были найдены и третьи, и четвертые...

Шли годы. Мало-помалу в массовом сознании откладывалась истина: Галактика уже поделена. Человечество опоздало на дележ. Если прежде считалось, что лишь законы природы могут положить предел человеческой экспансии во Вселенную, то теперь этот тезис был опровергнут резко и грубо.

Одна лишь Солнечная система... Вечное детство цивилизации в огороженной резервации. Возня в песочнице...

«Песочница» милитаризировалась с поразительной быстротой, но все равно медленнее, чем хотелось Штабу Обороны. Вот когда наступила пора настоящего хозяйственного освоения планет и их спутников! Боевые корабли и стан-

ции повисли на орбитах. Засновали туда-сюда грузовозы. На дальних задворках пояса Койпера испытывались новые, разрушительнейшие средства ведения войны. Вновь оживились голоса скептиков, уверявшие, что муравей может, конечно, попытаться нарастить себе жвалы побольше и поострее, но все равно останется только муравьем. Хотя и скептики не могли отрицать явного прогресса в освоении Солнечной системы.

Дальше ее границ человечеству не было хода. Все попытки вступить в переговоры с соседями либо отклонялись, либо просто игнорировались. Для чуждых цивилизаций, поделивших между собой ближайшее звездное пространство, человечество заведомо не являлось достойным партнером.

Однако не последовало и вторжения. Возможно, с точки зрения соседей, цель не оправдывала средств. Некоторые идеалисты-ученые выступили с мнением, будто уважение к братьям по разуму есть универсальное свойство любой высокоразвитой цивилизации, и толковали о Земле как о некоем заповеднике для слаборазвитых, но перспективных собратьев. Военные и политики смеялись над «этим детским лепетом», предполагая, что чужаки поддерживают баланс сил, руководствуясь доктриной гарантированного взаиморазрушения, каковая только и мешает какой-либо из ближайших цивилизаций присоединить к своим владениям Солнечную систему. Нашлись мудрецы, уверявшие, будто логика чужаков настолько отлична от человеческой, что по-

стичь ее мы все равно не в состоянии. Нашлись и мрачные философы, толкующие о кажущейся свободе воли и убежденные в том, что покорение человечества чужаками давно уже состоялось, только этого никто не заметил, ибо можно вечно плясать под чужую дудку, если уверен, что дудка своя. Одно время тон задавали алармисты, кричавшие, что вторжение-де вот-вот начнется, противник накапливает силы, ждите. Но год проходил за годом, десятилетие за десятилетием, и аргументы алармистов ветшали, грозя обрушиться под собственной тяжестью. Ну в самом деле, сколько можно готовиться и ждать?! Вечно? Вечность довольно длинна.

Так или иначе, земная цивилизация была вроде бы оставлена чужаками в покое. Ограниченная в экспансии, вынужденная искать новый смысл существования, униженная самим фактом наличия поблизости более могущественных соседей, наращивающая панцирь внешней обороны, погрязшая в извечных внутренних противоречиях... и так далее, и так далее.

Зато живая.

2

Шел самый обычный рейс.

Грузовик с невыразительным названием «Вычегда-014» совершал заурядный полет по маршруту Луна – Меркурий. Системы корабля работали нормально, экипаж отдыхал.

Близи́лась к концу инерционная фаза полета.

Командир корабля Максим Волков сражался с пропитанным потом шерстяным трико, пытаясь свернуть его и убрать в стенной бокс. Хотелось ругаться. Это желание командир давил в себе как абсолютно бесполезное. Ругайся не ругайся, а возможности отвода тепла исчерпаны. Теперь до самого Меркурия, когда наконец удастся нырнуть в тень планеты, температура внутри корабля будет только расти, и ничего с этим не поделаешь.

– Сауна, – хрипловато проговорила Барбара, бортинженер и старшая жена. – Давно надо было раздеться. Ты вспотел.

Максим скосил глаза на свою волосатую потную грудь, на впалый потный живот, затем на обнаженное тело жены, также покрытое бисеринами пота и не возбуждавшее сейчас никаких желаний, хлупнул подмышкой и кивнул, соглашаясь.

– Сауна и есть. Только без бассейна.

– Прими душ.

– Он теплый. Кроме того, у нас и так полно грязной воды.

Как на всех кораблях ближнего радиуса действия, жидкие стоки на «Вычегде» не очищались, а подвергались электролизу. Судя по наличному уровню жидких отходов, заключенного в них кислорода хватило бы на половину обратного пути.

– Потерплю, пока терпится, – сказал Максим.

– Только не включай вентиляцию на полную, – предупре-

дила, влияя в рубку, Карина, врач и младшая жена. В Роскосмосе издавна предпочитали иметь дело с семейными экипажами и плевали на ханжескую мораль. Была бы польза, а остальное несущественно.

– Знаю, знаю.

Он и в самом деле хорошо знал коварство космических сквозняков. Здесь они чреваты не заурядной простудой, а еще менее романтическим и крайне болезненным воспалением мочевого пузыря, неизлечимым в невесомости. Самому довелось испытать, и худшей пытки Максим придумать не мог. Повезло, что рейс подходил к концу. Довезли, доставили... Успели.

И даже вылечили, вернули в строй. Сочли достойным кадром. Повезло. А ведь могли подлечить кое-как и дать пинка. Несмотря на свое гордое имя, Роскосмос, незначительная компания со смешанным капиталом, войдя в Международный Аэрокосмический холдинг, все равно прозябала в малорентабельных сферах деятельности. О крупных субсидиях она могла лишь мечтать, работая там, где другие видели либо слишком малую выгоду, либо чересчур большой риск. Право освоения редкоземельных месторождений Меркурия она получила только за отсутствием других желающих.

Меркурианские постройки зарылись в грунт. Работа на рудниках шла вахтовым методом. Погрузка металла на грузовые корабли могла осуществляться только в течение меркурианской ночи – к счастью, достаточно долгой.

Корпус «Вычегды», как и всякого другого корабля, предназначенного для рейсов во внутренние области Солнечной системы, был покрыт многослойным светоотражающим материалом. Скорость его эрозии от столкновений с космическими пылинками просто пугала. При посадках на обшивку садилась местная пыль, меркурианская и лунная. После каждого рейса «Вычегду» чистили, полировали снаружи по тринадцатому классу чистоты и наносили напыление заново.

Ходили упорные слухи о том, что компания собирается сократить расходы на обслуживание меркурианских кораблей, удвоив срок их службы с одним покрытием. Один росчерк пера – и готово. Максим боялся об этом и думать. Уже сейчас интегральное альбеда корабельной обшивки упало с 92 процентов до 89. А будет еще хуже. Еще один рейс с тем же покрытием... Лучше уж вовсе не жить на свете.

Даже сейчас – сауна. Но можно терпеть. Особенно если нагишом.

Жены ворковали о чем-то своем. Максим поплыл по рубке, без особой нужды вглядываясь в индикацию бортовых систем и стараясь не прислушиваться. Задача командира и мужа, как он ее понимал, заключалась в том, чтобы один раз все путем наладить, не размениваясь впоследствии на ежеминутный мелочный контроль. Он считал, что у него получилось. Поначалу, правда, Барбара ужасно возмутилась его намерением взять вторую жену. И ведь не сам захотел – жизнь заставила. Старые двухместные посудины повсемест-

но списывались в утиль. Экипаж корабля класса «Вычегда» – три человека (договаривай в уме: связанных семейными узами). Старший сын недавно пошел в школу, младшего учили садиться на горшок. Для супругов, желавших остаться в компании, выбор, в сущности, был невелик: Максиму брать младшую жену – или Барбаре младшего мужа?

Скрепя сердце Максим пошел бы и на второй вариант, но Барбара, поплавав сколько положено и выслушав тысяча сто первое уверение в любви, согласилась на первый.

Оказалось – ничего страшного! Жены быстро поладили между собой и скоро начали устраивать мелкие женские заговоры. Жизнь стала насыщеннее и кое в чем интереснее.

На экране переднего обзора Меркурий, ноздреватый и ущербный, напоминал Луну, как ее видно с Земли. Громадный, услужливо притемненный автоматикой диск Солнца не вызывал ничего, кроме раздражения. Еще несколько часов тепловой пытки – и корабль, повернувшись к планете хвостом, начнет торможение, и из дюз вырвется поток ионизированного ксенона, и вернется тяжесть, и противно заноят, завибрируют переборки... А потом «Вычегда» нырнет в тень планеты. И это будет счастье.

Противно пискнуло. Максим помедлил с полсекунды, пока до него дошел смысл писка данной тональности. Сигнал был из числа редчайших: в опасной близости от корабля локаторы зафиксировали постороннее тело.

В набитой, казалось бы, битком Солнечной системе кос-

мос все равно достаточно обширен. Неопасный микрометеорит – это пожалуйста. Песчинок сколько угодно. Но встреча с каменюкой, способной серьезно повредить корабль и даже фиксируемой локами, – большая редкость. Даже в ближнем Внеземелье мусора теперь не так уж много.

– Держитесь! – крикнул Максим женам и сам вцепился в первую попавшуюся скобу. Сейчас должен был последовать автоматический маневр уклонения.

И вправду – дернуло. Несильно. Максим ожидал куда более резкого рывка. Он подумал, что катастрофы не произошло бы и без маневра. Просто-напросто компьютер-перестраховщик счел полезным уменьшить вероятность столкновения с одной миллионной до нуля.

Новый писк.

И новый рывок.

Да что же это такое, черт побери! Метеоритный рой? В этой области пространства? Нонсенс. Исчезающе малая вероятность.

Но не верить реальности – глупо. Сюрпризы космоса всегда неожиданны. А делятся они только на три категории: плохие, очень плохие и хуже некуда.

– Он один! – крикнула Барбара. С ее места был хорошо виден экран корабельного лока.

– Чушь! – рявкнул Максим.

– А я говорю, он один. Округлое тело около полуметра в поперечнике, альбеда 98 процентов... ого! Идет курсом

сближения.

Еще один рывок, сильнее предыдущих. Скоба больно врезалась в пальцы.

– Да что он, маневрирует, что ли?! – не выдержал Максим.

– Вот именно, – спокойно сказала Барбара.

– Идентифицируется? Проверь.

– Уже. В базе данных нет аналогов.

– Ясно...

Ничего на самом деле не было ясно Максиму Волкову. Искусственное тело? Здесь? Но зачем?

По скобам он добрался до кресла. Пристегнулся. Та-ак, что тут у нас?

То, что старшая жена не шутила, он понял еще до того, как взглянул на экран. Глупая была бы шутка. И несвоевременная. А экран показывал медленное приближение объекта к «Вычегде», и сбитый с толку корабельный компьютер, сняв с себя ответственность, запрашивал о дальнейших действиях.

Подождет...

Максим лихорадочно думал. Корабль все еще шел в границах штатного «коридора». Легкая коррекция – и он вернется на оптимальную траекторию. Попытка оторваться от неопознанного привязчивого объекта означает расчет нового курса, перерасход ксенона и – самое главное – лишние часы, а то и сутки до нырка в спасительную тень.

Чем это чревато, было известно. В позапрошлом году из-за сбоя в системе управления погибла «Жиздра». Времени,

проведенного ею под ливнем солнечной энергии, хватило, чтобы в танках закипела вода, предназначенная для меркурианских рудников. Стравить пар экипаж не сумел. Корабль просто взорвался, как перегретый паровой котел.

Рискнуть?

Можно. Но где гарантия, что после маневра объект отвяжется?

– Идет на нас, гасит скорость, – деревянным голосом сказала Барбара.

– Вижу.

Гасит скорость – это хорошо. Оружие так себя не ведет, будь оно человеческим или инопланетным. Будь мирная «Вычегда» боевым кораблем – чужак уже десять раз превратился бы в облако газа. Одна команда с центрального боевого поста – и привет. С другой стороны, имей чужак откровенно агрессивные намерения, «Вычегда» уже перестала бы существовать.

В том, что «Вычегду» преследует именно чужак, сомнений не оставалось. Объект, который не идентифицируется, не может быть ничем земным.

Нет, аналогия все же была... с первым русским спутником Земли. Такой же блестящий шарик, разве что без антенн. Максим вывел на монитор увеличенное оптическое изображение. Н-да, шарик... В косых лучах Солнца он выглядел полумесяцем и увеличивался, наплывая на «Вычегду». Ослепительно сверкал освещенный бок.

Мысли Максима по-прежнему скакали. Радировать на Землю? На Меркурий? Да, но какой смысл? С Меркурия ничем не помогут, а с Земли не успеют помочь даже советом. И все же... Если случится худшее, пусть люди знают.

– Передай всем: «Наблюдаем приближающийся малоразмерный объект искусственного происхождения», – приказал Максим старшей жене. – Только это и больше ничего.

Он не хотел сотрясать эфир паническими воплями – все равно от них не было бы никакого толку. А так – лаконично и достойно. Вроде предсмертной записки, брошенной в бутылке с борта тонущего судна.

3

– Ты все-таки прими душ. – На протяжении одной фразы тон Карины успел измениться с участливого до непрекращаемого. – Настаиваю как врач.

Максим судорожно дышал, как дышит несчастный карп, зажариваемый живьем китайским поваром-изувером. Без помощи жен он вряд ли сумел бы покинуть обжигающе-горячий скафандр.

Сам виноват – вышел в открытый космос. Всего на пять минут. Последние две минуты были истинной пыткой.

А все любопытство... Хотя Максим знал, что в подробном отчете, который с него наверняка потребуют, он напишет «осторожность» или «предусмотрительность». Пусть

так. Одно другому не мешает. А что оставалось делать, когда сверкающий шарик, приблизившись к «Вычегде», уравнивал скорости и прилепился к обшивке? Тупо ждать?

Невозможно. Психологически неприемлемо. Неизвестное надо потрогать, если не доказана его однозначная опасность. Притронувшись – осмелеть и изучить. Понять, для чего оно. На том выросла человеческая цивилизация – от австралопитеков до людей Космической эры. Страх неизвестного силен, но любопытство сильнее. Любопытство – азартная игра с возможностью как продуться в пух, так и крупно выиграть. Нелюбопытный не выиграет никогда.

– Иди в душ, иди, – настаивала Карина.

– Сейчас... – просипел Максим. – Ты гляди, он холодный...

Потная ладонь оставила след на сверкающей поверхности шара. Тот поплыл было в сторону, но сейчас же вернулся. Казалось, он в свою очередь изучает людей. Вильнул к Максиму, покружился вокруг Барбары и особенно заинтересовался Кариной. Потный след на нем постепенно растаял, как тает на зеркале туман от дыхания.

В душевой кабине на Максима обрушился шквал противно теплого воздуха с отвратительно теплой водой. Стало все же легче.

Вплыл в рубку – да так и повис лягушкой, разинув рот от изумления. Шара больше не было. Вместо него на коленях у голой младшей жены удобно устроилось небольшое чело-

векоподобное существо, также совершенно голое, и Карина, умильно сюсюкая, гладила его по лысой голове!

Из взвихренных мыслей Максима родился не самый умный вопрос:

– Это... зачем?

– Превратился, – объяснила Барбара. – Сначала цвет поменял, потом стал вместо шара этакой амебой, ну а потом... В общем, сам видишь. По нашему образу и подобию. Жалко, не засняли процесс. Сначала испугались, а потом...

– Что потом?

– Успокоились. Сообразили, что это живое существо. Вот, налаживаем контакт...

На взгляд Максима, налаживанием контакта занималась главным образом младшая жена – и делала это излишне своеобразно.

На всякий случай Максим, подплыв поближе, взглянул на то место, где полагалось находиться гениталиям существа. Результат одновременно успокоил и озадачил: гениталии отсутствовали. Напрочь.

Отсутствовали и глаза. Нет, веки и выпуклости глазных яблок находились на месте – вот только не были они никакими глазами. Тот же равномерный цвет, близкий к нормальному телесному. Имитация. Греческая статуя.

Рот – был. Хорошо еще, что один, а не два. Но Максим не был уверен, что розовые губы – улыбающиеся, черт возьми! – могут разлепиться, открыв ротовое отверстие. Тоже,

наверное, имитация.

Манекен. Живой и двигающийся манекен. Дружелюбный до приторности, как и положено манекену.

Дружелюбный-то дружелюбный, но вот гладить Карину по груди инопланетной лапкой – это лишнее. А по шаловливым ручонкам разводным ключом не получал?

– Лучше бы ему остаться амебой, – высказал мнение Максим. – А еще лучше – шариком.

– Почему?

– У шарика ложноножек нет...

Ага! Чужак проворно отдернул конечность и заметно съежился. Ну то-то. Эмоции он, что ли, ощущает? Это правильно. Ценное для самосохранения свойство.

– Ты его напугал, – с осуждением сказала Карина. – Видишь, он боится.

– Лучше он, чем мы, – парировал Максим.

– Большой дядя, сердитый дядя, глупый дядя... – ворковала младшая жена, склонившись над чужаком. – Не бойся, мы тебя в обиду не дадим, мой маленький...

– Лучше не раздражай его понапрасну, – рассудительно заметила Барбара. – Мы же не знаем, на что он способен.

Тут был резон. Инопланетное существо – раз. Не скованное моральными нормами землян – два. С неизвестной логикой – три. С неизвестной биологической природой и неизвестными физическими возможностями – четыре. Хотя одну возможность только что можно было наблюдать – возмож-

ность запросто путешествовать в космическом пространстве безо всяких технических средств. Да еще там, где любое белковое существо в четверть часа изжарилось бы заживо. Но все-таки скорее организм, чем механизм. Интересный гость...

– Откуда он, хотелось бы знать, – проговорила Барбара.

– И думать нечего, – проворчал Максим. – Это серпентиец.

– Почему ты так думаешь?

– Очень просто. Метод исключения. Он не ауригиец, не аквилянин, не сагиттянин и не пикторианец. Об этих нам все же кое-что известно. Он наверняка не тауриец и не гидриянин, иначе нас уже не было бы в живых. Остается считать, что он серпентиец, созвездие Змеи. О серпентийцах мы твердо знаем только то, что их цивилизация существует. Помню, высказывалось предположение, что они метаморфы и не привязаны к конкретным планетам. Совпадает.

– А если он из тех, кого мы вообще не знаем?

– Зачем умножать сущности? Пусть будет серпентиец. Возражения есть?

– Да мне вообще-то все равно, – блаженно проворковала Карина. – Он милый и ласковый. Пусть хоть из созвездия Резца, лишь бы не резал...

– Он не режет, – с задумчивостью, не сулящей ничего хорошего, констатировал Максим. – Он, я гляжу, мастер совсем иного профиля. Кусать ядовитым зубом не станет, со-

всем наоборот. Нравится, а?

– Приревновал! – захохотала Барбара. – У султана уводят полгарема!

– Допустим, еще не приревновал, а меру знай.

– Ты-то чересчур хорошо меру знаешь. От тебя разве дождешься внимания?

Вечное женское... Максим знал, что Барбара была права. Отчасти. Но правда такая вещь, что иногда о ней лучше бы помолчать для общей пользы.

– Глупый, – нежно проворковала Карина. – Это совсем другое. Он как ребенок, живой и незащитный. Мой ребенок, понимаешь?

Это Максим понимал. Карина хотела иметь детей, и Максим теоретически был за. Против был семейный бюджет. Потом, через несколько лет – другое дело. Если удастся скопить сколько-нибудь денег. Но ни в коем случае не сейчас.

Ее ребенок? Ее кукла! Живая игрушка. Эрзац.

Сейчас Максиму очень хотелось избавиться от пришельца – скатать его обратно в шар да и вытолкнуть из шлюзовой камеры туда, откуда он взялся. На всякий случай. От греха подальше. Как капитан Максим чувствовал себя обязанным исправить сделанную глупость. Но... с женщинами можно спорить только поодиночке. Две женщины, если они объединятся, почти непобедимы.

И Максим отступил. Риск? Конечно. Зато в случае удачи – крупные премиальные и настоящий, а не выдуманный ре-

беноч у Карины. Пусть существо пока поживет в корабле, авось не станет гадить где попало. Если повезет, в свой срок загремят фанфары и зашелестят купюры. Кто может похвастаться тем, что не только встретился с живым инопланетянином, но и привез его на лунную базу?

– Смотри, – промурлыкала Карина, – он ест.

Она выдавила из тюбика на ладонь колбаску плавленого сыра. Сейчас же колбаска исчезла, накрытая ладонью существа.

– Кушай, маленький. Ну давай. За маму, за папу...

Существо издало низкий вибрирующий звук. Чужая ладонь-ложноножка нехотя сползла с ладони жены. Ладонь была чиста – сыр исчез.

Максим шумно вздохнул и отвернулся.

4

То, что чужак-метаморф оказался всеядным, было еще полбеды. Хуже то, что он оказался всеядным в самом широком смысле. Человеческую пищу он уминал более чем охотно, но и неорганика его вполне устраивала. Кресло, в котором младшая жена опрометчиво оставила существо, за полминуты пришло в полную негодность. Прекрасное противоперегрузочное кресло! Метаморф объел его, как яблоко. И в этом огрызке Максим промучился все этапы предпосадочных маневров, торможения и посадки. Великое счастье, что

«Вычегда» садилась на Меркурий, а не на Землю и что посадка прошла как по маслу. В итоге у Максима всего-то на всего разболелась спина. Могло кончиться и хуже...

Например, повреждением позвоночника. А то и катастрофой, если бы прожорливому чужаку позволили приблизиться к блокам управления или приборам. К счастью, спохватились вовремя. Максиму представилась жуткая картина: непрерывно жрущая и увеличивающаяся в объеме амеба, противно гудя, начисто выедает корабль изнутри, после чего начинает глотать скорлупу обшивки... Космический глист!

Сейчас насытившийся чужак вновь свернулся в гладкий шар, переваривая поглощенное. Его устроили в изувеченных остатках кресла. А Максим лежал на полу, и Карина массировала ему спину. Корпус «Вычегды» слегка содрогался — шла погрузка. Ею пришлось руководить Барбаре.

Ничего, справится. Сдал — принял. Всего-то с десятков документов, девять из которых — внутрикорпоративные. Плюс собственно погрузка. Стоило бы, конечно, приглядеть, но...

— Больно? — участливо спросила Карина.

— Терпимо... Слышь? Урчит, гад.

— Ничего он не урчит. — Карина также посмотрела на чужака. — Это тебе кажется. Знаешь, от него идут какие-то эманации... ну страха там или еще чего. Он открыт, все его эмоции на виду. Сначала он боялся, я это чувствовала. Очень боялся. Потом ему стало хорошо, и он дал нам это понять.

— Вот-вот, ему-то хорошо... Какая новость! Теперь этот

межпланетный троглодит для нас важнее всего. Его уже сейчас не выпихнешь через шлюзовую, если он сам того не захочет. На нас – тьфу, перебьемся как-нибудь. Что еще ты предложишь ему сожрать? Наш провиант? Груз? Реактор? Может, меня? Имей в виду, я против.

– Не говори глупостей, – мягко возразила жена. – Все обойдется, вот увидишь.

– Ну да. Однажды проснусь наполовину переваренный и увижу, как он доедает тебя и гоняется за Барбарой... Уй!

– Ну вот, сам сделал себе больно. Лежи, не дергайся. Сейчас вотру мазь, и будешь как новенький. А что до этого малыша...

– Ничего себе малыш! Ой!..

– Лежи спокойно, говорят тебе. Он малыш, понятно? Я это сразу почувствовала, и Барби тоже. Совсем маленький инопланетянин-метаморф, может быть, даже новорожденный. У него пока голые инстинкты, но он разумный, и он учится. Знаешь, мне это даже нравится. Какая земная женщина может похвастать, что выкармливала и обучала младенца-инопланетянина?

– Все равно ведь отберут, – мрачно сказал Максим. – Сказано ясно: доставить на лунную базу по возможности живым и неповрежденным. Приказ получен, подтверждение отослано. Радуйся, он останется с нами до Луны. Можешь нянчиться с ним, пока он не сожрет корабль.

– Он не сожрет. Мы объясним ему, и он поймет. Я чув-

ствуую, что он хочет нас понять.

– С какой целью? Не с гастрономической ли? Когда я покупаю колбасу, я тоже хочу понять, свежая ли она. Будь моя воля...

– Что будь твоя воля? А? Убил бы малыша? Сжег дюзами?

– Еще чего. Оставил бы здесь, на Меркурии. С его аппетитом тут ему самое место. Он бы штреки в шахтах проедал и штольни всякие... О-ой! Ты нарочно, что ли?

– А ты не городи чепухи. Все, теперь полежи с полчаса и можешь вставать.

Карина ушла, оставив за собой последнее слово. Когда с нею вступал в спор не муж и командир, а всего-навсего пациент, исход всегда бывал ясен с самого начала.

Зато спине и вправду стало легче, и, выждав полчаса, Максим встал без особых стенаний. Судя по звукам, погрузка продолжалась. Надо бы пойти взглянуть. В редкие моменты полной тишины было слышно, как потрескивает корпус корабля, отдавая тепло. Температура внутренних помещений уже давно упала до терпимой. Скоро станет холодно и придется кутаться, но перед тем наступит час-другой блаженной прохлады. Это ли не счастье?

Покажите изжаренному на солнце бедуину кусок льда – он завопит от восторга. Максим не вопил только потому, что уже привык. Он наслаждался молча. Не будь здесь этого чужака со звезд, наслаждение было бы полным.

– Ну, – неласково спросил Максим пришельца, – что мол-

чишь?

Покоящийся в руинах кресла шар негромко зажуужал.

– Я еще могу понять, зачем ты нужен им. – Максим ткнул пальцем в том направлении, где, по его понятиям, брела вдали от солнечной ярости Земля, волоча за собой горошину Луны. – Я другого не могу понять: на кой черт ты сдался мне?

– А ты не городи чепухи, – раздался вдруг голос сквозь жужжание.

– Что-о?

– Полежи с полчаса и можешь вставать, – сообщил шар.

– Та-ак!.. Карина!

Жена явилась сразу. За недолгий период супружества она научилась до тонкостей разбираться в интонациях мужа. Что, однако, не помешало ей начать с вопроса:

– Ну что ты реवेशь, как осел?

Максим был слишком взволнован, чтобы цепляться к сравнению с малопочтенным непарнокопытным.

– Он разговаривает! Твоим голосом!

– Кто?

– Догадайся с трех раз. Твой серпентиец, вот кто!

– Да? – Карина внимательно оглядела шар, затем мужа. – Тебе случайно не послышалось? Чем он может разговаривать?

– А чем он может жужжать? Может, всей поверхностью. А может, чем-то внутри. Вот послушай, сейчас он еще что-

нибудь выдаст.

Помолчали. Молчал и шар. Даже перестал жужжать.

– С-скотина! – не выдержал Максим.

– Ты перенервничал, – участливо отозвалась Карина. – Тебе нужно успокоиться. Возьми себя в руки, ты же командир.

– Я спокоен!

– Повтори еще раз и на десять децибел тише.

– Я спокоен. Спокоен. Спокоен.

– Уже лучше. Значит, ты слышал, как он разговаривал?

– Да, и повторял твои слова. Как попка.

– А твои нет?

– Еще не хватало.

Карина улыбнулась мужу той снисходительной улыбкой, которую он терпеть не мог. Максим хотел уже было рывкнуть, но только разинул рот, потому что Карина приблизилась к чужаку и нежно погладила его по лоснящемуся боку.

– Ну успокойся, маленький, не надо бояться... Дядя хороший, он просто пошутил. Давай его простим, а? Хороший дядя, хороший, и ты у нас хороший, ты у нас самый лучший, лучше всех...

– Ну и зачем тебе это надо? – только и спросил Максим, когда поглаживание кончилось и чужак вновь тихонько зажужжал.

– Значит, надо. Что ты знаешь о созвездии Змеи?

– Только то, что это единственное созвездие, топологически разорванное на две части. Строго говоря, это два созвез-

дия: Голова Змеи и Хвост Змеи. Разделены созвездием Змееносца. – Максим наморщил лоб. – Ярких звезд, кажется, не содержат... Или содержат? Погоди-ка... Альфа Змеи – оранжевый гигант ярче третьей величины.

– И это все? А что ты знаешь о серпентийцах?

– М-м... Почти ничего. Не знаю даже, где их родина – в Голове или Хвосте Змеи. Кому надо, тот, наверное, знает о них больше. Секретная же информация. А что?

– Ты спросил, зачем мне это надо, – отозвалась Карина, продолжая улыбаться чуть-чуть снисходительно. – Попытаюсь объяснить на доступном тебе уровне. Ты можешь считать, что я сюсюкаю, дело твое. Что считаю я, в данном случае несущественно. А «тот, кому надо», скажет, что я устанавливаю первый в истории человечества эмоциональный контакт с существом чуждой нам природы. Подбираю, так сказать, к нему ключики. Скажу сразу: такая точка зрения мне отвратительна, но по сути так оно и есть. А теперь скажи, чья точка зрения более весома. Неужели твоя?

– Где уж, – буркнул Максим. – Более весома, конечно, не моя. Моя зато более практична. Вот сожрет он корабль на обратном пути...

– Не сожрет. Он сыт. А когда проголодается, я попрошу его не есть все подряд. И он меня послушается, спорим?

Максим только пожал плечами. В голосе Карины было столько уверенности, что спорить не хотелось. Вдобавок кто признал бы победу командира, если бы он выиграл спор?

Некому было бы признавать.

Ну их к лешему, такие споры.

— Ну что ты реवेशь, как осел? — внезапно произнес чужак голосом младшей жены.

Хотя Максим молчал.

5

Кресло восстановили, изведя на него два тюбика полимерной пены. Чужака от греха подальше поместили в спальном отсеке, чтобы не сожрал чего-нибудь жизненно важно-го. При нем почти неотлучно находилась Карина. Мрачный Максим убеждал себя, что ревновать не следует.

Теперь найденыш ел гораздо меньше, чем раньше. «Наголодался, бедняжка, вот поначалу и накинулся на еду», — объясняла Карина. Иногда он просил органику и получал ее. (Максим предрекал, что к концу рейса экипажу придется сесть на жесткую диету.) Но особенной его любовью пользовался добытый на Меркурии металл. Изотопы лантаноидов, особенно иттербия, приводили его в сладостную дрожь. В ответ на запрос пришел приказ: груз не беречь, сколько бы чужак ни поглотил. Роскосмос заранее мирился с убытками.

Некоторые изотопы были слаборадиоактивными. На радиацию серпентиец чихать хотел. Но уже спустя час после радиоактивной трапезы поднесенный к нему дозиметр показывал лишь фоновый уровень излучения.

Есть-то чужак ел, но облегчаться и не думал. С одной стороны, командира это устраивало. С другой стороны, Максим ворчал, что добром это не кончится. Где это видано, чтобы у живого существа отсутствовала система пищеварения? Чтобы он непосредственно встраивал в свое тело вещества, попадающие ему на пути, и не выделял отходов жизнедеятельности?

Антиэнтропийных существ не бывает, тут что-то не так. Может, юный серпентиец накапливает массу как эквивалент энергии, чтобы потом высвободить всю энергию разом? Кто сказал, что он младенческое существо? А если хитрая мина-«сюрприз»? От «Вычегды» и молекул не останется. Если же взрыв произойдет на Луне, то на месте лунной базы возникнет такой кратер, каких еще не бывало. Плюс тектонические разломы на всю стокилометровую толщу лунной коры, вновь пробудившийся вулканизм и прочие прелести...

Не говоря уже о тысячах погубленных жизней и десятках лет на восстановление утраченного.

Кому выгодно? Сильным соседям, естественно. Окрепшее человечество, нарастив космические мускулы, когда-нибудь «попросит» соседей подвинуться. Зачем вводить слабых в искушение стать сильными? Щелчка им по носу – сиди, неслух, в песочнице!

Карина просто смеялась. Ну да, она женщина, у нее чутье, как же... Барбара спорила с Максимом на логическом уровне и, когда ей приходилось туго, приводила убийственный

аргумент: «Что толку спорить-то? У нас есть приказ».

Возразить было нечего.

Прошло одиннадцать суток после старта. Еще сорок – и рейс, надо надеяться, завершится успешной посадкой в кратере Гассенди. Стало прохладнее, и Максим уже носил шорты. Инопланетный детеныш – если это был детеныш – не доставлял чрезмерных хлопот. Карина клялась, что он ведет себя все более осмысленно и даже пытается разговаривать. К ее восторгам Максим относился скептически.

Жизнь обещала вернуться в привычную колею. Доковылять без проблем до лунной базы, сдать пришельца с рук на руки, получить премиальные... Что еще нужно для счастья?

Оказалось – нужно.

На двенадцатые сутки неожиданно ожила радиосвязь. Кто-то назойливо бубнил в эфире: «Вычегда-014», ответьте, «Вычегда-014», ответьте...» В сигнал были забиты кодовые позывные «Вычегды». Максим понял это, когда на монитор поступило сообщение: главная антенна автоматически нацелилась на источник сигнала, послано подтверждение готовности к сеансу связи.

На локаторе – пусто. Либо источник сигнала не отражал радиоволн, либо находился вне пределов локации. Скорее второе, чем первое.

– «Вычегда-014» слушает, прием, – сообщил Максим мировому пространству.

Прошло секунд пятнадцать, прежде чем поступил ответ:

– «Вычегда»? Говорит корабль «Тайгер» ВКС Унии Наций. Мы находимся в двух миллионах километров от вас. Идем курсом сближения. Расчетное время встречи: плюс восемь часов семнадцать минут. Приготовьтесь к передаче нам найденного объекта. Как поняли? Прием.

Вырубив микрофон, Максим задумался. В течение нескольких секунд его лоб являл собою целую горную систему хребтов-морщин.

– Что это за «Тайгер»? – перебила его мысли Барбара.

– Крейсер-внепланетник. Из новых. Тот еще монстр. Полтора метра длины, сорок человек команды. Ядерное оружие, плазменное оружие, лучевое оружие... Мы по сравнению с ним просто букашка.

– А с какой стати военно-космические силы собираются присвоить себе нашего найденыша?

Максим пожал плечами.

– Да ни с какой... Считают, что он им нужен, вот и все. В лучшем случае заручились санкцией Генсекретаря Унии Наций. В худшем случае сделают это задним числом.

– У них есть право забрать нашего малыша? – спросила Барбара.

– Только право сильного. Вот это-то мне и не нравится... Что они о себе возомнили? За кого они нас держат? Чужак наш. Принадлежит Роскосмосу. При чем тут военно-космические силы?

– «Тайгер» на связи, – вновь забулбил динамик. – «Выче-

гда», как поняли? Прием.

Чертыхнувшись, Максим включил микрофон.

– «Тайгер», я «Вычегда». Плохо слышу вас. Повторите сообщение. Прием.

Не приняв пока никакого решения, он тянул время. Протянуть удалось не более минуты – ровно столько, сколько ушло на повтор сообщения плюс время доставки.

– Карина расстроится, – шепнула Барбара.

Максим взглянул на нее и ничего не сказал. Расстроится? И только-то? Нет, Карина, судя по ее чисто материнскому отношению к серпентийцу, впадет в настоящую ярость. Попробуй-ка отобрать волчонка у волчицы. Обязательно бросится, даже если будет знать, что шансов никаких. Почему? А потому, что иначе нельзя!

Да и сам Максим начал уже ощущать сильное раздражение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.